

СТОЛИК НА ОДНОГО

ИЗ КНИГИ РАССКАЗОВ «СЕРДЕЧНАЯ НЕДОСТАТОЧНОСТЬ»

ЕНАТЕРИНА МАЕВСКАЯ
Родилась в Москве
в 1987 году. С отличием окончила Российский государственный университет нефти и газа имени М.И. Губкина и Институт журналистики и литературного творчества (диплом — сборник рассказов «Чужие небеса»).

Занималась в творческих семинарах Льва Аннинского, Леонида Бежина, Игоря Волгина, Евгения Жаринова. Печаталась в альманахе «Этажерна», «Литературной газете», «Независимой газете», «Дружбе народов» и др. Член Союза писателей Москвы.

Он окликнул ее на улице. Она узнала его голос мгновенно, остановилась, но не обернулась. Он произнес ее имя. Сотни раз она представляла себе эту встречу — представляла, что ни один мускул на ее лице не дрогнет, что ничто не выдаст прежней слабости перед ним, как больше никто не нарушит ее спокойствия.

Ему было тридцать шесть. Тогда — двенадцать лет назад, когда все закрутилось. Анри был женат, все эти годы он работал в России (семья тоже была тут), и из года в год его русский становился все лучше. Дети тоже выучили язык. Те дети, что жили на фото в его бумажнике. Это было так старомодно — в бумажнике... когда вся жизнь строилась из гаджетов, дисков, облаков. Облака не наползали друг на друга, каждое дорожило своим пространством. Вообще любые отношения, что зародились до первого айфона, можно было считать доисторическими.

Теперь тридцать шесть было ей, и он занимал ровно треть ее жизни. Они встретились случайно, неподалеку от ее квартиры (или все-таки дома? Они же не на лестничной клетке встретились?), буквально в двух шагах. Они еще не успели отвыкнуть друг от друга.

...Она встала с постели молча, молча вышла в другую комнату, молча вернулась, подняла с пола его рубашку и протянула ему.

— Тебе пора. Уходи. Он скоро придет, — сказала она.
— Кто «он»? — Анри был изумлен. Она никогда не выставляла его прежде.

Она сухо повторила, что ему пора. Он стал послушно одеваться. Не в его правилах было препираться.

— Не предложишь чаю? — спросил напряженно и улыбнулся.

— Некогда, извини.

— Хорошо. В следующий раз?

— Нет, не получится, извини... — Она отстранилась от него, когда он хотел поцеловать.

— Да что ты все извиняешься? — раздраженно сказал он и затянул ремень.

— Если тебе неприятно... я не нарочно, извини... — сказала она спокойно и еще раз извинилась, что опять сказала ему «извини».

Он позвонил через неделю, хотя надеялся, что она даст о себе знать раньше. Но она даже не взяла трубку. Он попытался еще через два дня — тоже. Написал ей в соцсетях: «У тебя изменился номер?» — и смайлик, который он выбирал полдня. Она не ответила — даже не просмотрела, хотя несколько раз была в сети — он отслеживал. Кто-то постоянно находился с ней рядом — это было бы единственным разумным объяснением. Иначе она обязательно написала бы. Ему захотелось увидеть их вместе, даже больше его, чем ее. Вечером, когда она обычно воз-

вращалась, он ждал возле дома. Но увидел ее одну. Она как будто была недовольна его появлением. Он хотел подняться к ней – она назвала произошедшее недавно ошибкой. Он молча потупился и спросил:

- Он там?
- Она посмотрела на часы.
- Часа через два будет там.
- Они поднялись. Он попросил помыть руки.
- Ты знаешь, где ванная. Ничего не изменилось.

В ее ванной было два комплекта полотенец, две зубные щетки, дорогой мужской шампунь, парфюм – такой же, как у него, мужское белье в баке для стирки, поднятый стульчак.

- Он у тебя не бреется? – спросил он, зайдя в комнату.
- У него борода. А что, тебе понадобилась его бритва?
- Я развелся. (Если они не виделись неделю, тогда может быть только «я развожусь».)
- Жаль.
- Что так?
- Женатым ты мне нравился больше. Может, и я тебе понравлюсь замужней?
- Женитесь?
- Не исключено.
- Скажи ему, чтоб не приходил.
- Не могу. Тебе лучше уйти.

Он целовал ее, они совершали все то, что при каждой следующей встрече она упорно называла ошибкой, – и выставляла его за дверь.

- Почему ты ушла? – спросил он, глядя ее руку. Он смотрел на нее обнаженную, красивую, нежную, другую, чем прежде, но обожаемую. – Я же развожусь...
- Потому что наш ребенок умер, не родившись.
- У нас были бы дети...
- Это у тебя дети.

Он думал, вот-вот что-то дрогнет в ней – и он сможет прижать ее к себе, с такой силой заключить в объятия, что она позволит ему остаться.

Но слез не было – она только сказала тихо: «Тебе пора».

- Иначе я встречусь с ним? – спросил он с издевкой.
- Иначе ты встретишься с ним.

Как только дверь закрылась, он твердо решил, что больше не вернется сюда. Нервно присвистывая, спускался по лестнице, раздумывая, кого из друзей можно было бы вытащить вечером на бокал вина, чья болтовня не особенно бы напрягала. Кандидатура пришла на ум почти сразу. Он только успел задать вопрос: «Что делаешь сегодня вечером?», когда, вы-

ходя из подъезда, разминулся с посыльным. Бросив коротко: «Перезвоню», оборвал разговор и поспешил вернуться обратно. Он стоял возле лифта, позади курьера, приюхиваясь к аромату пионов из букета, который доставлял тот.

- Мне третий, – сказал юноша и нажал, посмотрев на Анри.
- Мне выше... – выдавил он из себя и понял, что это к ней.

На ее лице возникла какая-то необыкновенная улыбка, когда она получила цветы. Она не успела закрыть дверь, когда перед дверью снова возник Анри. Он смотрел на нее с этим букетом в руках, растерянный. Ему показалось, что он еще никогда не выглядел так глупо.

- Записка есть? – спросил он.
- Записка?
- Да, записка. От кого...
- Мне не нужна записка. Я знаю.

Он молча кивнул. Ему захотелось вырваться из этого подъезда, не видеть ее больше никогда, второй раз за этот день сбежать по лестнице без оглядки. Он не помнил, как оказался в тот вечер дома, стоял в душе, смывая с себя то мальчишество, с которым выслеживал эти проклятые цветы, а потом стоял перед ней, совершенно ей не нужный. Он решил, что это очередной этап, который в его жизни закончился. Теперь точно закончился. Больше не звонил, не писал, не выслеживал. Общих знакомых не было, так что никто не напоминал. Все просто закончилось. Не раз он ловил себя на мысли, что хотел встретить ее случайно на улице – встретить и не заговорить. В те дни, когда думал об этом – со временем все реже и реже, – просто заходил на ее страницу в соцсети, уже не гадая, увидит ли ее там с кем-то или одну, листал фотографии, пока не доходил до самых старых – когда она была девчонкой, с которой он познакомился на вечеринке у русских друзей.

Он заменил свой статус на «в отношениях»: появился повод. Тоже – русская, такая же молоденькая, как и она когда-то. Ася. Рыжеволосая Ася. Он всегда пользовался тем, что русские женщины падки на французов. При их знакомстве он даже нарочно усилил свой акцент, чтобы понравиться наверняка. Это была первая серьезная связь после развода. Казалось, он отдышался. Не вспоминал о ней. Обида была слишком сильна. А Ася нравилась его друзьям, и через пару месяцев знакомства он взял ее с собой на корпоратив.

Анри понимал, что в этих стенах он последний раз. Последний раз преодолел эти три лестничных пролета, последний раз распахнул дверь во двор, вышел распахнутый на мороз, и холодный воздух обжег лицо, щеки, влажные от слез. Он в ужасе схватился за карман пальто, думая, что выронил письмо. Но оно было там, куда он положил его, оставляя квартиру. На улице было зябко, начиналась метель.

– Анри, ты слышишь меня? – Ася обняла его за плечи и поцеловала в висок.

Он вздрогнул, точно очнувшись, и ему показалось вдруг, что это не Ася, что это она прикоснулась губами к нему, ведь она делала это точно так же.

– Анри... – повторила Ася и села к нему на диван, где он с бокалом вина засмотрелся на трескучий огонь в камине. – Ты совсем не слышишь меня...

«Ты совсем не слышишь меня...» Да, и она говорила именно так. Он подумал, что они – те, кто так любят его, – говорят одними и теми же словами, обнимают, целуют его одинаково, у них даже один возраст, а он – он только седеет. Он смотрел на Асю, а ему почудилось, что он смотрит на нее, только такую, какой она была, когда они познакомились.

– У тебя очаровательная улыбка, – сказал он Асе.

– Тогда я буду улыбаться для тебя...

– Не надо.

Она посмотрела на него удивленно.

– Просто улыбайся... Не надо для меня.

Он поцеловал ее. Она прильнула к нему всем те-

лом, будто он, а не горящий камин спасет ее от холода.

Чем больше Ася была с ним, тем больше он вспоминал о ней. Особенно покоя не давал ему Новый год, который был уже совсем близко. Наверное, она вышла замуж, за девять месяцев, что прошли с их последней встречи, можно было бы это успеть. «Да за это время можно успеть и ребенка родить, – думал Анри. – А вдруг тогда она забеременела от меня, и теперь их сына (она мечтала о сыне!) растит чужой человек, который не бреется...» К концу декабря эта мысль плотно засела в его голове. И этим он вдруг объяснил себе ее поведение. «Потом... нет же ничего странного, если кто-то явится к тебе как старый добрый друг с небольшим букетом в знак примирения... Она же принимает цветы от мужчин... – рассуждал он. – Даже если замужем. Ведь у меня есть Ася, и я ее... Просто у меня есть Ася». Даже мысленно Анри не бросался словами.

Он зашел в старый цветочный неподалеку от ее дома, выбрал, оплатил, побрел не спеша в гости.

Подъезд был открыт – кто-то заказал огромную елку – наверное, кто-то, у кого дети, – и Анри еле разминулусь с ней и с грузчиками в тамбуре.

«Дети... – мелькнуло в голове. – Может, эта елка к ней? К ним. К ней, ее мужу и его, Анри, ребенку». В одну секунду он почти решил, что не будет подниматься, а букет – букет, конечно, понравится Асе. А если букет понравится Асе, то его ребенок каждый Новый год будет встречать с неродным папой. Он больше не мог вынести всей этой чуши и, не дождавшись лифта, занятого елкой, рванул по лестнице, как мальчишка, перескакивая ступеньки.

Долго звонил в дверь. Но с улицы он видел свет в окне. Дома кто-то определенно был. И он совершенно точно решил увидеть ее сегодня. Ему открыли. Не муж, не она – сестра, Марфа.

С ее сестрой он был знаком мимолетно, видел ее всего лишь пару раз. Но она, конечно, узнала его, пригласила войти. Он спросил, дома ли она. В ответ – только молчание. Стены в квартире были голы, все не так, как при ней. Из мебели мало что осталось, из вещей, на первый взгляд, ничего.

– Это вам. – Марфа протянула ему конверт. – Я почему-то думала, что вы придете.

Он посмотрел на навесное зеркало в прихожей, занавешенное темной тканью. Все внутри обрушилось в один момент.

– Когда это случилось?

– Двадцатого октября.

– Она умерла здесь?

- В хосписе, – сухо ответила Марфа и, будто пожалев его, добавила: – Последние дни были очень тяжелые, но она почти все время была в сознании, говорила о матери и о вас. Мамы не стало два года назад.
- А супруг? – спросил Анри. Голос его сделался слаб, как после болезни.
- Какой супруг? У нее не было никого, кроме вас, ее безумия и четвертой стадии онкологии. А последнее время она была абсолютно одна, не хотела никого видеть, принимать помощь. Ждала только вас. Правда, до того времени, как изменилась до неузнаваемости. Супруг... Он был бы у нее, если б не вы. И дети, и жизнь. Или отрезок жизни, который она бы была счастлива.
- Почему вам кажется, что мы не были счастливы? – спросил он, чувствуя, как слезы стягивают горло.
- Уходите.

Анри понимал, что в этих стенах он последний раз. Последний раз преодолел эти три лестничных пролета, последний раз распахнул дверь во двор, вышел распахнутый на мороз, и холодный воздух обжег лицо, щеки, влажные от слез. Он в ужасе схватился за карман пальто, думая, что выронил письмо. Но оно было там, куда он положил его, оставляя квартиру. На улице было зябко, начиналась метель. Он побрел в ресторан на соседней улице, где они не раз ужинали, прежде чем подняться к ней.

- Столик на одного? – спросил управляющий.
- Что, простите? – переспросил Анри.
- Вы будете один? Будете ужинать один?

Анри как-то растеряно закивал, отдал верхнюю одежду и последовал за молодым человеком.

Он спешно достал телефон, зашел в соцсети, на ее страницу, открыл ее фото. Там уже не было никакой жизни – последняя запись на стене от десятого октября в 19:45: Adagio Альбинони.

Он положил конверт перед собой. Анри судорожно искал в памяти тот день, двадцатое октября, но не мог вспомнить. Будто до сегодняшнего дня их ничего не связывало. Дыхание сбивалось, давило в груди, перед глазами все начинало предательски плыть. Он брал салфетку, ненадолго опускал голову, потом опустошал бокал и не притрагивался к еде, которую заказал для приличия. Пахло вином и сыром. Он открыл – чтобы этот день поскорее закончился.

«Милый Анри, скоро меня не станет, и ты – единственный, кого бы мне хотелось видеть последним, запомнить твое лицо. Больше, чем жить, я все еще хочу поцеловать тебя. Что мне эта болезнь, когда

я переболела тобой. Я рада, что тебя нет рядом и ты не видишь, как я распадаюсь на части, как разум оставляет меня, как боль разъедает изнутри. Я остаюсь собой в эти минуты только благодаря тому, что вспоминаю о тебе. Одиночество для меня сейчас – это возможность быть с тобой наедине, в воспоминаниях, в забытии.

Может, ты почувствуешь этот момент. Покажется, кто-то окликнул тебя, и ты обернешься. Но за твоей спиной не будет никого. Прости меня за эти пионы. Мне просто нужно было, чтобы ты ушел.

Береги себя. Ты – единственная память обо мне на этом свете. Другого измерения нет».

